

К 140-летию со дня рождения классика
библиотечного дела Беларуси Е. И. Хлебцевича

Е. И. Хлебцевич (1884–1953)

Министерство культуры Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
культуры и искусств

М. Б. Пожарицкий

**НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
БЕЛОРУСОВЕДЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
Е. И. ХЛЕБЦЕВИЧА
(к 140-летию со дня рождения библиотековеда)**

Под научной редакцией
кандидата педагогических наук, доцента
Е. Ю. Козленко

Минск
БГУКИ
2024

УДК 37.013.43(476)
ББК 78.33(4Бел)6-8 Хлебцевич
П46

*Рекомендовано ученым советом учреждения образования
«Белорусский государственный университет культуры и искусств»
(протокол № 11 от 13 июня 2024 г.)*

Р е ц е н з е н т ы :

Н. Е. Петушко, заведующий кафедрой межкультурных коммуникаций
и рекламы Белорусского государственного университета
культуры и искусств, кандидат педагогических наук, доцент;
А. С. Смирнов, доцент кафедры русской филологии Гродненского
государственного университета имени Янки Купалы,
кандидат филологических наук, доцент

Пожарицкий, М. Б.

П46 Научно-педагогический дискурс белорусоведческого наследия
Е. И. Хлебцевича (к 140-летию со дня рождения библиотековеда) /
М. Б. Пожарицкий ; под науч. ред. Е. Ю. Козленко. – Минск :
БГУКИ, 2024. – 47 с.
ISBN 978-985-522-364-2.

Представленный библиографо-аналитический очерк посвящен одному из основателей библиотечного дела в Беларуси, поборнику просвещения народных масс, национального возрожденческого движения Е. И. Хлебцевичу (1884–1953). Как книговед, библиограф, литературный критик, он высоко ценил белорускость как свойство мировоззрения, мышления новой белорусской литературы (Я. Барщевский, В. Дунин-Марцинкевич, Ф. Богушевич, Тётка, Я. Купала, Я. Колас и др.). Его называют одним из основоположников купаловедения в литературоведении и книговедении. Сквозь призму научно-педагогической, просветительной, национально-возрожденческой деятельности выступают личностные качества, обращающие внимание профессиональной педагогики.

Адресуется специалистам в области библиотековедения и педагогики, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей отечественного библиотечного дела, родной литературой, культурой, национально-патриотическим воспитанием.

**УДК 37.013.43(476)
ББК 78.33(4Бел)6-8 Хлебцевич**

ISBN 978-985-522-364-2

© Пожарицкий М. Б., 2024
© Оформление. Учреждение образования
«Белорусский государственный университет
культуры и искусств», 2024

От автора

Библиографический очерк о белорусоведческом направлении деятельности белорусиста и русиста, библиотековеда, литературоведа, книговеда, библиографа Е. И. Хлебцевича, научно-педагогическом дискурсе его белорусоведческих научно-методических, научно-практических библиотековедческих разработок написан на основе печатных источников, ставших библиографической редкостью, и рукописных трудов ученого. Исследователь-просветитель полагал: путь к лучшей социальной, экономической и духовной жизни простого люда начинается с познания и восприятия белорусской национальной идеи, с политического, идеологического прозрения «тутэйшых». Решение этих вопросов он связывал с интенсивно развивавшимися в начале XX в. национальной художественной литературой, культурой, основой которых был фольклор, сохранивший мифологические мировоззренческие корни, традиционную народную этику, эстетику, педагогику. Е. И. Хлебцевич призывал не ограничиваться краевой беллетристикой, ее историей, а приобщаться и к лучшим образцам иностранной литературы, русской словесности, а также к прогрессивным философским, правовым, экономическим, педагогическим, техническим, популярно-естественным и иным идеям и знаниям. Осуществление такого просвещения белорусов, в большинстве своем крестьянских масс, библиотековед считал возможным посредством создания библиотек (в начале XX в. сельских бесплатных народных, затем солдатских для солдат-крестьян царской армии периода Первой мировой войны, в советскую эпоху красноармейских с увеличивающейся читательской аудиторией призывников срочной службы и из среды рабочего класса, народной интеллигенции).

Е. И. Хлебцевич полагал необходимым продолжение существующих издавна связей с русской культурой, литературой, видел сотрудничество в белорусско-русском библиотековедческом пространстве, педагогическом. Ученый понимал значение политического, хозяйственного, юридического, культурного сотрудничества и с другими этносами, мировым сообществом в целом. Он изучал не только классику, но и новинки отечественной, русской и зарубежной литературы, как художествен-

ной, так и иных видов, полезные в научной работе и в деле пополнения книжных фондов публичных библиотек. Занимался ретроспективной, текущей и перспективной рекомендательной библиографией по общему мировому, общему русскому, белорусскому литературно-культурному процессу, по персоналиям отдельных белорусских и русских авторов. Статьи по библиографии писал, как правило, на стыке библиографии с литературоведением, т. е. литературоведческо-библиографические, с элементами как библиографическими, так и литературно-критическими.

Кроме библиографии, Е. И. Хлебцевич оставил след и в других разделах библиотековедения, библиотечного дела, однако применительно к Беларуси это преимущественно национальная библиография и осмысление ее педагогической значимости. Также был одним из зачинателей практических действий по созданию белорусских бесплатных народных и иных библиотек. Ученый увлекался историографией библиотечного дела, прежде всего фиксацией истории библиотечного дела белорусского региона. Е. И. Хлебцевич родоначальник профессионального изучения прошлого библиотечного дела в Беларуси.

В предлагаемом библиографическом очерке, посвященном белорусоведческому наследию Е. И. Хлебцевича, сквозной линией проходят педагогический и библиотечно-педагогический аспекты. Надеемся на пользу настоящего издания как для специалистов, так и массового читателя.

Михаил Пожарицкий

1

*Научная и просветительная деятельность.
Демократизация библиотечного дела, воспитание
массового народного читателя. О возрождении
белорусского языка и белорусской литературы,
ее библиографирование.*

Евгений Иванович Хлебцевич (25.07(06.08).1884, местечко Жировичи Слонимского уезда Гродненской губернии – 20.10.1953, г. Москва) – ведущий белорусский и русский библиотековед первой половины XX в. Он считал библиотечное дело в Беларуси неотъемлемой частью общероссийского, потом общесоюзного библиотечного дела. Ученым разрабатывались общие теоретико-методологические основы, выражавшиеся в универсальной теории и методике изучения читательских интересов, руководства чтением, организации библиотечных кружков, читательских конференций, литературных судов, конкурсов на лучшего читателя, библиотекаря. Исследователь отображал и краеведческое направление этих и иных видов библиотечной работы. Согласно его научно-педагогическому видению рекомендательная библиография по художественной литературе имеет как общие методы и принципы составления, так и конкретное практическое избранное лучшее мировое и общероссийское наполнение, а также региональный компонент, белорусские национальные библиографические сведения, отражающие специфические тематические литературно-художественные проблемы, белорусское народническое содержание. Библиологическая психология кроме глобального мирового и всероссийского аспектов обрела благодаря Е. И. Хлебцевичу и местный этнический. Ученый показал, что не изолированно от мировой, общероссийской истории библиотечного дела развивалась белорусская, обладавшая своими особенностями.

На библиотековедческую тематику Е. И. Хлебцевич начинал печататься в первых легальных белорусскоязычных газетах «Наша Доля» (*«Аб Павленкоуских бібліотеках»*) [7], «Наша Ніва» (*стат'я без назваў*) [13; 14], издававшихся в Вильни.

С 1906 г. он занялся созданием в Беларуси с целью просвещения широких народных масс сельских бесплатных народных библиотек имени русского книгоиздателя и мецената Ф. Ф. Павленкова. В первых публикациях Е. И. Хлебцевич писал о консервативности сознания белорусских крестьян, косности мышления, психологической неготовности к восприятию книги, библиотеки, чтения, о проблемах при открытии библиотек, указывал на необходимость формирования и воспитания в духе времени массового народного читателя. В 1908 г. Е. И. Хлебцевич в «Нашай Ніве» образно, но вполне однозначно подметил педагогическое предназначение библиотеки – «ширить вокруг свой ясный свет, сеять зерно добра, правды и науки*» [14, с. 6]. На данных материалах, их историко-педагогической и библиотечковедческой ценности заострил внимание библиографовед В. Е. Леончиков [27, с. 151, 156]. По своему поведению и восприятию нового крестьяне оказались довольно гибкими, не такими уж и консервативными, что позволило вскоре урегулировать процесс организации павленковских библиотек. Как констатировала историк библиотечного дела М. И. Покало, при участии Е. И. Хлебцевича «в Беларуси было создано 11 народных библиотек: девять в Гродненской губернии и две в Минской» [32, с. 55].

В 1911 г. молодой теоретик и практик просветительной книжности Е. И. Хлебцевич был приглашен на I Всероссийский съезд по библиотечному делу, проходивший в Санкт-Петербурге. Начинаясь библиотечковед представил форуму доклад «*Развитие библиотечного дела в Белоруссии*» [19], в котором речь шла о наметившихся успехах в распространении народных библиотек, о постепенном, но достаточно удачном преодолении психологических барьеров и преград, организаторских трудностей, появлении духовной и умственной потребности в книгах, уверенности в перспективах формирования массового читателя. Доклад Е. И. Хлебцевича заканчивался возвышенно-пафосно: «Деревня просит: Дайте книгу!» [19, с. 431]. На эту лозунговую, агитационно-педагогическую фразу особое внимание обратила современная белорусская писатель-

* Здесь и далее перевод при цитировании белорусских текстов – автора.

ница и литературный критик Л. И. Рублевская [33, с. 13]. В докладе нашло отражение и зарождавшееся тогда важнейшее библиотечно-педагогическое явление: библиотечные кружки, особенно такой вид, как театральные, способствовавшие восприятию, запоминанию, осмыслению прочитанных художественных произведений [31, с. 120–121].

Е. И. Хлебцевич стал инициатором официального оформления библиотечковедческо-книговедческого молодежного объединения, именуемого Белорусским научно-литературным кружком студентов Санкт-Петербургского университета. В 1907–1913 гг. он обучался на естественном отделении физико-математического факультета Санкт-Петербургского Императорского университета по специальности «биология», имел и гуманитарно-литературоведческие способности, посещал Пушкинский семинарий профессора С. А. Венгерова. Основной задачей белорусского петербургского студенческого объединения было распространение просвещения среди сельского населения Северо-Западного края Российской империи посредством создания доступных для тружеников деревни бесплатных народных библиотек. Е. И. Хлебцевич являлся активным участником Белорусского научно-литературного кружка, выступал на его собраниях, вел письменные отчеты заседаний, аккумулировал и редактировал материалы обсуждений и дискуссий, готовил к печати и издавал со своими комментариями отдельными брошюрами: *«Белорусский научно-литературный кружок студентов С.-Петербургского университета: оттиск из отчета о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г.»* [8] и аналогичное издание за 1913 г. [9]. В первом из этих сборников был представлен устав указанного научно-литературного кружка белорусского студенческого землячества. В данных изданиях излагались суждения выступавших с рефератами студентов-белорусов о родиноведении, об истории, этнографии Беларуси, ее культурных традициях, литературном процессе, языке. Подобные исследовательские результаты были полезны в первую очередь для изучения зарождавшегося сельского массового читателя (крестьянина) и его читательских интересов народно-педагогическим (этнографическим, прежде всего этнографо-мифологи-

ческим и этнолингвистическим) способом в социальном и духовно-психологическом ключе с целью дальнейшего педагогически выверенного руководства чтением.

На заседания научно-литературного кружка молодежь приглашала и видных ученых. Так, перед его участниками выступал с лекциями председатель русского общества библиотековедения, лингвист, академик Санкт-Петербургской академии наук А. А. Шахматов. В отчетах о заседаниях кружка Е. И. Хлебцевич писал: «Почтенный академик А. А. Шахматов свой взгляд на белорусский язык, как наиболее чистый славянский, высказал пока в университетских лекциях. Конечно, большое значение он придает изучению белорусского языка, так как это необходимо для истории образования русского» [9, с. 15]. Е. И. Хлебцевич отмечал и точку зрения академика Е. Ф. Карского о ценности белорусского языка в контексте русского [9, с. 15], а также о необходимости активизации библиографии как универсума человеческой деятельности, библиографической работы по систематизации совокупности определенных знаний: «Всестороннее изучение Белоруссии возможно лишь после уяснения того, что уже сделано, так как иначе часто придется ломиться в открытую дверь. Для этого, прежде всего, нужно заняться библиографией по разным отраслям...» [9, с. 2–3]. Подбодрил, поддержал членов Белорусского кружка Петербургского университета поэт Якуб Колас: «Я не знаю, как приветствовать вас, дорогие друзья белорусского народа! Скажу только, что никакая “реформа” правительства, пусть бы самая свободнейшая и самая широкая, не сможет сделать для белорусского народа того, что может сделать ваша “шчырая” работа на том грунте, на который вы ее поставили. Ибо это будет правдивая живая работа. Ваш кружок это – солнце Белоруссии, откуда будет разливаться свет во все углы ее... Пусть же небо ваше будет светлое и приветное!..» [9, с. 11]. Солнце – метафора просвещения, лучи его (те же народные библиотеки) – методический инструментальный предоставления социально полезных знаний народным массам. Активно поддержал деятельность белорусских студентов в Петербурге будущий народный поэт Беларуси Янка Купала. Он участвовал в создании народных библиотек, обеспечении их литературой, особенно изданиями национальной поэзии и прозы. Поэт адре-

совал Белорусскому научно-литературному кружку стихотворение «Прарок» [8, с. 22–23]. Отчетные печатные сборники Белорусского кружка студентов Санкт-Петербургского университета оценены в исследовании Г. М. Семашкевича [35, с. 59–70].

В первом выпуске материалов заседаний научно-литературного кружка представлены тезисы доклада Е. И. Хлебцевича *«Очерк белорусской народной мысли»* [8, с. 14–20]. Этногенез белорусов, истоки общественно-философской мысли, народной мудрости передаются через генетическую память, документы старины и последующих эпох. Докладчик отметил историко-культурные тенденции более чем местного значения:

«независимое вечевое народоправство (Славное Полоцкое княжество, Минское, Мстиславское и др.)», в работе народного веча – образцовое юридическое державное право, справедливое моральное право, мудрую и уважительную педагогику;

Статуты Великого Княжества Литовского – непревзойденные в тогдашнем европейском обществе кодексы законности, правомерности, человеческой чести, достоинства, кладезь философских, культурных, педагогических воззрений, эталон элитного белорусского книжного стиля и слова;

издание Библии в переводе (второе на родном языке среди славян после чешского) на национальном, старобелорусском языке [8, с. 15]. Осуществил перевод и печатание в 1517–1519 гг. белорусский и восточнославянский первопечатник, просветитель-гуманист, ученый, общественный деятель эпохи Ренессанса Франциск Скорина, призвав смотреть на Священное Писание прежде всего как на источник знаний и просвещения для народа.

Обращаясь ко времени утраты ВКЛ независимости, его вхождения в состав Речи Посполитой, а позже включения белорусских земель в состав Российской империи (периоды полонизации и русификации), Е. И. Хлебцевич пишет: «...когда-то полноправный славянский белорусский язык загнан в “хаты”, стал “хатним”» [8, с. 15]. «И все же этот народ, – подчеркнул исследователь, – выявлял свои славянские и индивидуальные белор[усские] особенности под оболочкой соседних культур, пока, наконец, из среды демократически настроенного – вернее из среды благородных деятелей, белорусско-польского дворян-

ства, не вышли люди с живой любовью к белорусу, как к человеку и гражданину (Чечот, Дунин-Марцинкевич и др.)». Е. И. Хлебцевич делает умозаключение о Беларуси как центре славянства, эталоне добрососедства, межнационального согласия: «...белорусы, живя между поляками, русскими, украинцами и др., – наиболее чистый славянский элемент, наиболее важный для братского примирения единокровных славян, мало того – белорусы и будут иметь важное значение в деле объединения славян на принципах свободы и культуры. Ибо здесь синтез двух культур: польской и русской, здесь синтез “востока” и “запада”!..» [8, с. 16]. Тут пересечение двух цивилизаций, двух мировоззрений, педагогических школ, их методических, воспитательных и образовательных программ-влияний, в этом месте на планете естественное сближение православного и католического богословских течений...

Затем докладчик, осуществляя аннотированный библиографический обзор, отметил народнический характер белорусской литературы нового периода, начиная с Ф. Богушевича, его публицистического, педагогически-просветительного призыва к белорускости, бережному отношению к родному языку, охарактеризовал художественное творчество Матея Бурачка (псевдоним Богушевича) как лиру мужицкого адвоката, народного заступника [8, с. 16].

Самыми яркими народными поэтами Беларуси Е. И. Хлебцевич в докладе представил Янку Купалу (И. Д. Луцевича) и Якуба Коласа (К. М. Мицкевича). По аргументам исследователя, творчество Я. Коласа опиралось на сельский природный колорит: «...землей и лесами веет от поэзии Я. Коласа» [8, с. 16]. Выразитель надежд и дум белорусов Якуб Колас сочетал доступность изложения материала, простоту формы, содержания, одновременно глубину мысли, подлинной народности, «создавая стихи на простом народном языке». Отсюда его пейзажная лирика с экологическим воспитанием, философская – с мировоззренческим, гражданская – с патриотическим, интимная – с семейным. Природа присутствует, а то и преобладает во всех перечисленных видах поэзии Я. Коласа. Луга, поля, леса, озера, реки, их животный и растительный мир со зримо или незримо находящимся в центре человеком представляют собой у Я. Коласа философскую концепцию смысла жизни, бытия,

национального кода белорусов, выступают как символ родины, показатель натуральной красоты, слаженности, эволюционности, преемственности. Простота в природе, белорусских традициях, народной ментальности трансформировалась в поэзии Я. Коласа в выстроенную модель литературной структуры, системы, типологии, образности, сюжетной закономерности.

В отличие от Якуба Коласа, реалиста-бытовика, Янка Купала – песняр-романтик [8, с. 16]. В его творчестве необычные герои в необычных обстоятельствах, в произведениях заостренный героизм, невиданный патриотизм, безграничная любовь, крайние предательство, подлость, небывалый трагизм и иные экстремальные, полярные мотивы-проявления. Однако отличительные черты творений Я. Купалы, как и Я. Коласа, кроются в естественности, народности, правдивости, гражданственности, демократизме, моральной поучительности. Романтическое преувеличение, гипербола у Я. Купалы только дополняют, усиливают, синхронизируют мудрую рассудительность, традиционность, реалистическую художественно-тональную сдержанность, идейную актуальность и разумную перспективность у Я. Коласа как писателя-соратника, просветителя-правдоискателя.

Творческое амплуа литератора, педагога, лекаря, просветителя-агитатора, общественно-политического деятеля Тётки (А. С. Пашкевич) – это, писал Е. И. Хлебцевич, «сплошной порыв к народу, поэтический пыл ее захватывает других невольно своей силой любви к народу» [8, с. 16–17].

«Красота форм – у М. Богдановича» [8, с. 17], – заключил Е. И. Хлебцевич. Эстетизм, европейскость, мировой уровень тематики, проблематики, их реализации, творческая и педагогическая гармония делали Максима Богдановича виртуозом белорусского художественного слова, выразителем его привлекательности, убедительности. С творчеством поэта в белорусскую литературу пришли верлибр, сонет, триолет, рондо. Поддерживая и развивая фольклорно-этнографические основы отечественного профессионального словесного искусства, Максим Богданович обогащал его лучшими европейскими образцами и тенденциями.

Затем Е. И. Хлебцевич перечислил целую когорту начинающих поэтов. Все они (от Каруся Каганца до Констанции Буйло)

были преимущественно выходцами из простого народа. «Этим обуславливается отчасти полевой, народнический характер белорусской литературы»; многие из них раскрывали свой талант на страницах газеты «Наша Ніва» [8, с. 17–18], ставшей, по сути, общенациональной.

Книговед и библиограф Е. И. Хлебцевич отметил нотные издания композитора Л. М. Роговского народно-эстетического и народно-педагогического характера: «Он [Л. М. Роговский] берется запечатлеть звуки народных мелодий, создает ноты к словам Янки Купалы “А хто там ідзе?” (белорусский народный гимн), и творится гимн – мольба народная... Мелодии дальше снуются в его душе, сливаются, и вот рождается новое музыкальное произведение “Сюита белорусская”. В ней в звуках представляется целый ряд образов, рой “думак” трепещущих, желающих обнять возможно шире жизнь страдающего народа...

<...>

Это законченное целостное произведение с небывалым успехом было принято виленцами на 3 симфоническом концерте в Вильне» [8, с. 18–19]. О значении белорусских народных мелодий в новых музыкальных произведениях для развития национальной культуры также свидетельствует внимание к данному явлению прессы. Е. И. Хлебцевич пишет: «Под влиянием этой музыки А. Бульба, журналист белорусский, обратился к белорусам с призывом свято сохранять народные мелодии от всяких фабричных и солдатских влияний» [8, с. 19].

Второй сборник «Белорусский научно-литературный кружок студентов С.-Петербургского университета» (1914) Е. И. Хлебцевич дополнил приложением – своим отдельным трудом *«Возрождение белорусской народнической литературы»* [9, с. 19–36], высокая и обоснованная оценка которому как литературоведческому дана в монографии Г. М. Семашкевича [35, с. 67–68], статье «Хлябцэвіч Яўген» библиографического словаря «Беларускія пісьменнікі» [26, с. 194]. Полагаем, исследование Е. И. Хлебцевича представляет интерес и как литературоведческо-библиографическая работа, пособие в сфере комплектования белорусских национальных бесплатных народных

и иных библиотек отечественной литературой, руководства ее чтением, как библиографический обзор [30].

В ретроспективной части обзора Е. И. Хлебцевич пишет об истоках белорусского художественного слова, упоминает творчество Викентия Ровинского, Игнатия Маньковского, Яна Чечота, акцентирует внимание на наследии Винцента Дунина-Марцинкевича, Франтишка Богушевича [9, с. 21–24]. Творческий, жизненный путь поэта, драматурга, исполнителя ролей собственных пьес в своем театре, педагога, народника (фольклориста, диалектолога) В. Дунина-Марцинкевича Е. И. Хлебцевич соотнес по ассоциации с тезисом Великой французской революции о правах человека и гражданина, идеологией эпохи Просвещения, сделал вывод о становлении белорусской гражданской, национально-патриотической, гуманитарно-гуманистической творческой и интеллектуальной просветительской традиции [9, с. 21–23]. Основателя критического реализма в белорусской литературе поэта Ф. Богушевича представил как предвестника нового, небывалого взлета национальной мысли, духовности, сочинительства, как «зеленую березку» (символ обновляемой Беларуси) предстоящего эпохально значимого одновременно реалистического и романтического белорусского национального возрождения [9, с. 23–24].

В текущем разделе библиографического обзора Е. И. Хлебцевич охарактеризовал своих современников – Янку Купалу, Якуба Коласа, Тётку, Тишку Гартного, Альберта Павловича. Исследователь показал Я. Купалу и Я. Коласа как лучших представителей национального искусства слова, в творчестве которых философски и художественно синтезировались категории подлинности, непосредственности, натуральности, народности, духовности, мудрости, традиционности, жизненности, идейности, эстетичности, перспективности, а также просветительский, познавательный и воспитательный компоненты [9, с. 25–32]. Так, в обзоре отмечено, что писатель и педагогический деятель, автор «Другого чтения для дзяцей беларусаў», 1909 г. (автор «Першага чтения для дзетак беларусаў», 1906 г. – Тётка) Я. Колас «на три года был осужден к крепости (тюрьме. – М. П.) за участие в белорусском учительском союзе [съезде]» [9, с. 27]. Е. И. Хлебцевич писал о Тётке не только как литераторе-революционере, но и масштабнее, в том числе

как «женской» поэтессе, любовавшейся тогдашними деревенскими «женщинами-цветками», переживавшей за их тяжелую долю, которая приводила к раннему старению-увяданию [9, с. 29–30]. Он обратил внимание на педагогическую сущность художественного творчества А. Павловича: «Основная мысль произведений поэта [А. Павловича] – необходимость приложить все усилия к развитию в детях крестьян веры в лучшее будущее, внушать чувства бодрости и приучать к умственной самостоятельности. А это возможно лишь при установлении более тесной связи школы с жизнью» [9, с. 33].

В перспективном библиографическом обзоре очерка Е. И. Хлебцевич приводит перечень имен начинающих в то время белорусских авторов: М. Богдановича, Ю. Щупака, Ф. Чернышевича, К. Каганца, Г. Левчика, А. Зезюли, Власта (В. Ластовского), Ядвигина Ш. (А. Левицкого) и др. [9, с. 33]. Максим Богданович тогда тоже был начинающим отечественным поэтом, на тот момент (1913 г., ознаменовавшийся подготовкой к печати очерка Е. И. Хлебцевича «Возрождение белорусской народнической литературы») еще не вышел в свет его поэтический сборник «Вянок» (1914), но Е. И. Хлебцевич первым в своем литературоведческо-библиографическом обзоре прогнозно поставил имя Максима Богдановича как мастера словесного искусства Беларуси.

В советский период Е. И. Хлебцевич занимался в основном красноармейскими библиотеками, причем в общесоюзном плане. Он публиковал работы по организации библиотечной сети, формам и методам библиотечного дела в воинских коллективах, по изучению читательских интересов красноармейцев, руководству их чтением. В 1920 г. совещание, созванное Литовско-Белорусским представительством в Москве, поручило Е. И. Хлебцевичу решить вопросы по изданиям, необходимым для фронта и населения Беларуси в связи с нараставшим значением Западного фронта [27, с. 155; 36, с. 142]. Выполняя задание совещания и подбирая литературу для жителей Беларуси и бойцов Западного фронта, Е. И. Хлебцевич в том числе рекомендовал пользователям и перевел на белорусский язык актуальную в то время книжку Т. Родванского «*Праўда аб вайне Польшчы з Савецкай Расіяй*» (1920) [11] (находится

в личном архиве Е. И. Хлебцевича, хранящемся в Национальной библиотеке Беларуси).

В 1925 г. Е. И. Хлебцевич опубликовал статью *«Национальный вопрос и работа библиотек в Красной Армии»* [17], в которой предложил модель гармоничного взаимодействия национального с интернациональным, педагогический принцип оптимального их сочетания. Указал на необходимость создания в библиотеках воинских частей уголков национальных регионов: уголка украинца, уголка татарина и т. д. Таким образом, выступил за организацию красноармейских библиотечных национальных кружков в разных районах Страны Советов.

В эссе *«Национальный вопрос и работа библиотек в Красной Армии»* Е. И. Хлебцевич обосновал целесообразность ведения в войсках пропаганды политики Коммунистической партии и советского государства на материале представителей национальных регионов или мест дислокации частей. Он назвал это «локализацией пропаганды на местном материале» [17, с. 137]. Призвал при руководстве чтением красноармейцев углубляться в рассмотрение недавней на то время борьбы в регионах с угнетением народных масс царизмом, изучать краеведческое историческое прошлое, национальные читательские интересы военнослужащих.

Е. И. Хлебцевич предложил «обеспечить отдельным национальным группам внутри Красной Армии необходимые национально-бытовые и культурные условия: речь на родном языке, национальные празднества и развлечения, связь с родиной, обслуживание соответствующей литературой» [17, с. 137]. Считал, что библиотека должна учесть язык, быт и другие национальные особенности жизни красноармейцев, «налагающие на них сильные отпечатки, и в известном смысле приноровить к ним свою работу». Отметил, что рекомендация книг для военнослужащих белорусского происхождения должна отталкиваться от следующих ориентировочных тем: «Польские паны имели в Белоруссии большие имения (по целым уездным) и, сбежав в Варшаву, пытались захватить Белоруссию (1920)», «Этнографический состав населения современной Польши: % поляков, % украинцев, % белорусов, % литовцев, % евреев, % немцев» [17, с. 140]. Полагал актуальной проблему: «Как

живут польское, белорусское и украинское трудовое крестьянство и батраки под гнетом панов и капиталистов» [17, с. 139]. Также было рекомендовано включать в библиотечную работу и национальную классику.

Очерк 1946 г. «*М. Горкі, ваенкору і пачынаючыя чырвоноармейскія пісьменнікі*» [21] Е. И. Хлебцевич посвящает учению красноармейцев литературному творчеству. В основе трактата переписка красноармейцев с великим русским и советским прозаиком и драматургом А. М. Горьким, их встречи с писателем, учеба у него литературному сочинительству, перенимание опыта и распространение его, в том числе в Беларуси, деятельность литературных библиотечных кружков Красной Армии и Белорусского военного округа в частности. Материал получился в основном общесоюзного значения (хотя белорусская составляющая лежит в основе очерка, но, полагаем, ее все-таки в научном плане недостаточно). Стоит сказать и о том, что написана работа на, как всегда, красивом у Е. И. Хлебцевича белорусском литературном языке еще на шенивской национально-возрожденческой поры.

2

О персональных библиографиях (воспоминаниях и статьях), посвященных Яну Барщевскому, Франтишку Богушевичу, Алоизе Пашкевич (Тётке) и их творчеству.

На протяжении научной и просветительной деятельности Е. И. Хлебцевич писал статьи и воспоминания о белорусских и русских писателях. Отличительной чертой таких работ была множественность библиографической информации, в связи с чем их стоит квалифицировать персональными библиографиями.

В статье «*Ян Баршчэўскі – першы беларускі пісьменнік XIX веку і ягонае апісанне партызанскага руху беларускіх сялян*» (1928) Е. И. Хлебцевич на фоне литературного наследия Я. Барщевского отмечает общее состояние белорусской словесности (ее упадок) и на примере библиографо-литерату-

роведческого рассмотрения произведений Я. Барщевского – роль писателя в ее становлении на национальной, народной основе.

Упадок белорусской письменности был следствием полонизации (XVII–XVIII вв.; Беларусь в составе Речи Посполитой), а затем русификации (в составе Российской империи). Кроме социально-политических причин этому содействовал, писал Е. И. Хлебцевич, книжный «искусственный язык по той причине, что образован из церковно-славянского (правильней – “староболгарского”»)» [24, с. 141]. Созданный искусственно язык не мог обеспечить потребности простого белорусского народа, особенно непросвещенных крестьян. Поэтому такой язык был вынужден уступить место народному, широкодоступному и понятному. «Этот жизненный процесс замены языка, – объяснял Е. И. Хлебцевич, – наблюдается в другой половине XVIII в., когда базилиане, иезуиты и пиары начинают все больше и больше пользоваться чисто народным языком в проповедях “к простому люду”. Постепенно клерикалы, что управляли тогда религиозным отуманиванием народа, используют этот язык в своих клерикально-панских интересах и религиозного дурмана, излагая этим языком книжки – “казания” и “кантички”, молитвы. Кроме того, иезуиты в своих школьных драмах и комедиях ради панского смеха и издевательства выводят простого белорусского крестьянина с его речью, ибо сами паны говорят “панским языком” (польским. – М. П.). Таким порядком белорусский народный язык начинал распространяться и этим дал возможность выявиться белорусским писателям из шляхты» [24, с. 141].

Библиограф, историк белорусской литературы Р. А. Земкевич назвал Яна Барщевского первым белорусским литератором в XIX в. («Ян Баршчэўскі – першы беларускі пісьменнік XIX стагоддзя: Успаміны ў 60-ю гадаўшчыну смерці», Вільня, 1911). Также полагал и Е. И. Хлебцевич в рассматриваемой здесь его статье (1928 г.). Только три стихотворения написаны Яном Барщевским на белорусском языке: «Ах, чым жа твая, дзеванька, галоўка занята» («Дзеванька») (1809), «Гарэліца» (1843) и не полностью сохранившееся «Рабункі мужыкоў» (1812). Во времена поэта «писать и издавать можно было одно на том языке, которым написано “святое письмо” (библия)»

[24, с. 141]. Его первое белорусскоязычное стихотворение – песня «Дзеванька» – написано в «период его увлечения “Максимовичевой”» (крепостной девушкой по фамилии Максимович).

Стихотворение Я. Барщевского «Рабункі мужыкоў» (1812) посвящено Отечественной войне 1812 г. Историко-контекстуальный подход анализа стихотворения Е. И. Хлебцевичем показывает необходимость видения исторической обстановки, к которой относится произведение и которую отражает. Это значительная составляющая в руководстве педагогом или библиотекарем чтением читателя и самостоятельном руководстве читателем собственным чтением или чтением других читателей. Е. И. Хлебцевич писал: «В 1812 г. Барщевский был живым свидетелем большой войны с Наполеоном и партизанской борьбы крестьян в лесах с французами, которые бежали. А потом, партизаны, пользуясь своей организацией, расправлялись и со своими панами. Под впечатлением этих событий Барщевский написал стихотворение “Рабункі мужыкоў”» [24, с. 141]. «С нашей точки зрения, – доказывал Е. И. Хлебцевич, – это не “грабежи”, а классовая война мужиков с панами. Стихотворение относится к 1812 году, когда правительство хотело использовать крестьян для уничтожения французов, которые оставались от Наполеоновской армии. Крестьяне охотно это использовали и даже организовали несколько партизанских отделов, которые считали панов за врагов и нападали на их усадьбы... Встретив где “пана” или “эканому”, и если те были крестьянскими “обидчиками”, нещадно расправлялись с ними. Стихотворение “Рабункі мужыкоў” отражает элементы классовой борьбы в Беларуси еще в 1812 году...

<...> Во всяком случае это стихотворение показывает, что белорусские крестьяне так же, как и “французы”, “двор лупили” и “долго там гуляли, что хотели пили, брали” и т. д.

Автор-шляхтич, желая показать крестьян грабителями, дает этим вместе с тем показание свидетеля о том, что крестьяне считали своих “панов” врагами в большей степени, чем французов, с которыми они действовали солидарно в панском дворе...» [24, с. 141–143].

«Очень характерна первым белорусским писателям (Яну Барщевскому и В. Дунину-Марцинкевичу), – отмечал Е. И. Хлеб-

цевич, – следующая черта их мировоззрения: как художники, Ян Барщевский и Дунин-Марцинкевич ухватывали нищенскую бедность и незавидную долю белорусских крестьян, хоть и допускали иронию мужика над панами, но, как чистокровные шляхтичи, не делали отсюда неминуемых выводов о борьбе работников и крестьян за улучшение своей жизни, находя выход из крестьянского бедствия и одичания в патриархальной доброжелательности и “батьковской” заботливости панов о своем “быдле”. А потом, через волю поэтов и эта патриархальность подпадала под осмеяние» [24, с. 144]. «Заботливость панов» – проявление «шляхетского инстинкта», писал Е. И. Хлебцевич: «Одно-единственное, на что крестьянин может надеяться в своем горе, на взгляд Барщевского, – это панская “милость”. В стихотворении “Гарэліца” Ян Барщевский, описывая переживания пьяного человека, хочет показать “Пана” не только снисходительным, но и внимательным – “еще хлопцу чарку водки мне принести прикажет”» [24, с. 145].

В контексте руководства чтением следует обратить внимание на педагогическую значимость биографии Яна Барщевского, ее влияние на его творчество. «Окончив школу в Полоцке, Ян Барщевский пробовал поступить в Виленский университет, но не имел возможности и сделался домашним учителем в богатых домах. После направился в Ленинград (правильно: Санкт-Петербург. – *М. П.*), где и служил в морском ведомстве, но скоро бросил эту службу и снова возобновил педагогическую деятельность.

В Ленинграде (правильно: Санкт-Петербурге. – *М. П.*) Барщевский познакомился с Мицкевичем, а потом и с Шевченко, что оказало большое влияние на литературное творчество Барщевского, который в 1840 году объединил вокруг себя молодежь и начал издавать ежегодные альманахи.

Альманах Барщевского “Незабудка” выходил с 1840 по 1844 г. Вышло всего 4 тома. Критика участливо отнеслась к этому изданию. Наиболее значительным трудом Барщевского считался “Шляхтич Завальня” (Petersburg, 1844–1846 гг.).

В предисловии к этой книжке много интересного материала о белорусской литературе поместил Ромуальд Подберезский. Книжка эта составлена из народных белорусских рассказов и легенд, собранных Барщевским на протяжении всей своей

жизни. <...> Все эти произведения Барщевского написаны польски, так как по-белорусски было запрещено издавать.

Баллады, стихотворения Барщевского, а также и “Шляхтич Завальня” по своим мотивам и содержанию взяты из белорусской жизни.

<...>

...Под конец жизни Барщевский перебрался в Чуднов на Волыни, где и умер в 1851 году» [24, с. 146].

В статье *«Царскі суд над творамі Ф. Багушэвіча»* (1927), относимой к числу персональных библиографий поэта, Е. И. Хлебцевич как историк литературы и библиограф показывает, кратко представляя произведения Франтишка Богушевича, пример того, как соединяются поэтические мечты и практические революционные действия. Это был реальный суд над тогда уже давно умершим автором сборников *«Дудка беларуская»* и *«Смык беларускі»* Франтишком Богушевичем (скончался в 1900 г.) и их редактором Вацлавом Ивановским. Е. И. Хлебцевич писал: «Ф. Богушевич красноречиво показывает социальную неправду. Художественные образы его так сильно заряжали молодежь революционным настроением, что до 1905 года произведения его считались нелегальными» [22, с. 147]. В 1907–1908 гг. они уже легально были изданы белорусским издательским товариществом в Петербурге *«Загляне сонца і ў наша аконца»*. Но надзорные органы снова усмотрели в них незаконный «призыв к классовой борьбе и разрушению устоев российской политики в Северо-Западном крае (православия и российской народности)». В 1908 г. на произведения Ф. Богушевича был наложен арест.

На некоторых «подозрительных» стихах, подвергнутых судебному разбирательству, Е. И. Хлебцевич остановился отдельно. Так, в суде рассматривалось как экстремистское стихотворение Ф. Богушевича *«Хрэсьбіны Мацюка»*. Защита использовала эпизод стихотворения, «в котором выведен тогдашний генерал-губернатор Северо-Западного края, князь Хованский, применивший казацкую плеть для присоединения униатов к православию» [22, с. 148]. Рекомендованный и нанятый участниками Белорусского научно-литературного кружка в Санкт-Петербурге юрист-защитник Гольдштейн применил

все свое адвокатское мастерство и отреагировал на пункт обвинения следующим образом. Раздобыв с помощью членов кружка «книгу протопресвитера военного и морского духовенства, царского духовника Шавельского под названием “О воссоединении униатов с православной церковью”, продемонстрировал эту книгу судьям... и зачитал вслух то место в книге, где Шавельский писал, что нетактичность князя Хованского повредила делу православия» [22, с. 148]. Суждение протопресвитера и царского духовника, по мысли Гольдштейна, оправдывает приведенные в стихотворении Ф. Богусевича факты. Суд над «Хрэсбінамі Мацюка» и иными произведениями Франтишка Богусевича впоследствии произвел впечатление на литературоведа Г. М. Семашкевича [35, с. 111].

Второй пункт обвинительного акта касался стихотворения Ф. Богусевича «Ахвяра» и предъявлялся за «подстрекательство крестьян к классовой борьбе с помещиками» [22, с. 149]. Адвокат аргументировал, что произведение все же надлежит трактовать не столько как пропаганду классового противостояния, сколько как литературно-художественный пересказ христианско-педагогических евангельских заповедей в поэтической форме.

Пришлось убеждать судебных чиновников и в том, что стихотворение Ф. Богусевича «У судзе» являлось якобы не сатирой, не пародией на тогдашнюю Фемиду, не противоправительственным актом и призывом к социальному противостоянию, а допустимой творческой интерпретацией отдельных судебных издержек, заслуживавших ассоциативного восприятия.

Припомнил Е. И. Хлебцевич в дополнение и эпизод, к которому сам был причастен.

...Петербургский кружок студентов-белорусов налаживал культурно-просветительную вечеринку. Е. И. Хлебцевич готовился к декламированию стихотворения из гражданской лирики Ф. Богусевича «Быў у чысцы». Театральная цензура, куда посылался весь сценарий и репертуар для получения разрешения на проведение воспитательного мероприятия, вычеркнула наиболее агитационные, поднимающие боевой дух строки вышеуказанного стихотворения. Однако, пользуясь тем, что белорусы хорошо «угостили» пристава «гарэлкай», который

«сидел на вечеринке в качестве представителя власти, я эти места, декламируя, еще сильнее подчеркнул... <...>

Таким образом с декламирования стихотворения Ф. Богушевича получился целый митинг. А после концерта белорусы так напоили пристава, что он еле ноги волочил и утратил всякую способность вообще отличать легальное от нелегального» [22, с. 149–150]. В воспроизведении Е. И. Хлебцевича комизм ситуации не умаляет ее гражданского значения: предприимчивость, ирония студенческой молодежи делают номер явным, агитационным.

Имевшие место в истории юриспруденции действительные, направленные на поиск наказания в отношении поэтических сборников Ф. Богушевича судебные заседания и разбирательства, очевидцем которых был Е. И. Хлебцевич, стали основой для формирования библиоковедом одного из важных педагогических методов в руководстве чтением – метода литературного суда. Надуманные, смоделированные, искусственные литературные суды имитировались, разыгрывались, театрализовались. Они подобны реальным. Это суды над героями произведений, их поступками, в итоге – вынесение обвинительного или оправдательного «приговора». Присутствующие стороны – «защита», «прокурор», «свидетели»; ведение судебного заседания – якобы «Ваша честь Председатель Суда». Суды – открытые с подключением широкого массового читателя. Такие игровые литературные суды нередко помогают глубже изучить то или иное художественное произведение, выявить его познавательный и воспитательный потенциал. Литературные суды и сегодня используются на уроках литературы и в библиотечном деле. Тем не менее этим методом не рекомендуется злоупотреблять, не каждое высокохудожественное произведение с его глубоким философским смыслом, сложным психологизмом, неоднозначным конфликтом, иносказательностью, подтекстом, утонченным эстетизмом можно разложить по параметрам и критериям правдоподобного литературного суда.

Белорусской поэтессе Тётке и ее творчеству Е. И. Хлебцевич посвятил ряд статей-библиографий: *«Алоиза Пашкевич (Цётка) – вдохновительница белорусского революционного движения»* [15], *«Белорусская Цётка (А. Пашкевич)»* [16],

«Цётка» [23]. Выделяется здесь адресованная ей и ее поэзии персональная библиография в журнале «Полымя», которая так и называется «Цётка», коротко, но емко, как краток, но содержателен сам псевдоним. Тётка всегда писала свои стихи и выступала с речами на белорусском языке, народном, доступном массам. Ее произведения, как и речи, – в основном это революционные прокламации, касавшиеся 1905 г. Однако в персональном библиографическом обзоре «Цётка» Е. И. Хлебцевич подчеркивал не только их публицистичность, гражданскую пафосность, но и высокую художественность, искусную образность. Вольнолюбивые мотивы в творчестве Тётки не являлись конъюнктурными, временными, соответствовали контексту славянской (А. С. Пушкин, А. Мицкевич, Я. Купала и др.) и мировой (Дж. Г. Байрон и др.) классической свободолобивой лирики. Эмоциональный, социальный и национальный порыв белорусской поэтессы имел основание: Алоиза с детства, писал Е. И. Хлебцевич, «познала душой горемычную жизнь бедных людей, что томились под тяжестью панского гнета» [23, с. 136]. Библиограф-библиотековед отмечал просветительный, а, стало быть, и педагогический эффект воздействия творчества Тётки на умы и сердца простого народа. Приведенные им цитаты из наследия поэтессы-революционерки особенно ярко являют собой используемые ею выразительные средства языка, литературные приемы и формы, психолого-педагогические методы и подходы.

Сфокусировал внимание Е. И. Хлебцевич на признанных высокохудожественных и просветительных произведениях Тётки «Вера беларуса» [23, с. 136, 142], «Мора» [23, с. 138], «Я хацела б» [23, с. 144–145] и др. Он начал библиографический обзор с «Веры беларуса» (сборник «Скрыпка беларуская») как одного из наиболее знаковых произведений Тётки. Наряду с «А хто там ідзе?» Янки Купалы – это стихотворение-бренд, стихотворение-клич. Белорусы, в гражданско-патриотической вере стойкие, твердые, неколебимые, они у Тётки красиво, через четкий ритм, рифму сравниваются с камнем, железом, сталью, гранитом.

Художественность в творчестве Тётки проникнута духом революционности, борьбы. Наиболее яркой, колоритной метафорой свободолюбия у Тётки выступал концепт <море>. В стихо-

творении «Мора» это картина широких революционных народных масс, передового общественно-политического движения, питаемого революционными событиями 1905 г., вызвавшими небывалые надежды. Поэтический образ море – общество бурлит, «злится», «крепнут волны» [23, с. 138].

Социальное, национальное пробуждение белорусов Тётка воспринимала, отмечал Е. И. Хлебцевич, в контексте всероссийских революционных событий 1905–1907 гг. (стихотворение «Хрэст на свабоду» из одноименного сборника поэтессы) [23, с. 139].

Стихотворением «Пад штандарам» из сборника «Хрэст на свабоду» [23, с. 136] поэтесса отозвалась на расстрел в 1905 г. в Вильне мирной рабочей демонстрации, во главе которой рабочий Винцуль нес красный штандарт и стал жертвой вооруженного усмирения.

Обращаясь к стихотворению Тётки «Вінцуля на могілкі нясуць» [23, с. 137] (также и «Пад штандарам»), Е. И. Хлебцевич отмечал силу воздействия художественного слова, воссоздающего революционно-историческую событийную конкретику, обращенного к «живой душе бедока-рабочего и крестьянина», сказанного с «крестьянским простодушием и искренностью» [23, с. 136]. Многотысячная народная процессия прощания с протестным лидером от станка еще более революционизировала массы, и военнослужащие, стрелявшие ранее по демонстрантам, стали переходить на сторону народа. На глазах менялась психология рабочих, крестьян, солдат, поэтесса, гиперболизируя, естественно, ситуацию, художественно запечатлела момент кардинальной ломки сознания масс. В этом ракурсе Е. И. Хлебцевич упомянул и ее прозаическое произведение – рассказ «Сон над кривавымі разорамі» (иное название «Прысяга над кривавымі разорамі») [23, с. 142].

Тётка переживала поражение революции 1905–1907 гг. Находясь за границей, во Львове, она написала стихотворение «Я хацела б», в котором использовала литературный прием олицетворения. Ее лирическая героиня хотела бы, перевоплотившись в зерно пшеницы, в речку, ветер, вырваться из чужбины в родной край и облегчить долю своего народа.

Обращаясь к творчеству Тётки, библиограф-литературовед не мог не отметить, как отразился в нем автор: биография, чер-

ты характера, мировоззрение, единая, целостная и одновременно многогранная деятельность, связь жизненных обстоятельств и исторического момента. Кроме литературной работы, Тётка также страстно увлекалась общественно-политической, научной, театральной, лекарской и иными родами занятий. Как оратор, она в своих политико-просветительных выступлениях применяла не только публицистические агитационно-пропагандистские, но и литературно-художественные средства и методы. На митингах, кроме произнесения речей, читала свои идейно-педагогические, идейно-воспитательные стихи, крик, по сути, души женщины-революционерки, патриотки. Живя за границей, Тётка по чужому паспорту иногда приезжала в столичный Петербург к землякам-студентам, принимала участие в качестве профессиональной артистки в их общественно востребованных белорусскоязычных спектаклях по произведениям А. П. Чехова, А. М. Горького, Э. Ожешко, В. Дунина-Марцинкевича, Я. Купалы, также на художественно-техническом уровне декламировала на студенческих вечеринках свои стихотворения на злобу дня (шли столыпинские реформы, послереволюционная реакция) и о вечности человеческих духовно-либеральных побуждений.

В завершение библиографического поэтического обзора Е. И. Хлебцевич выделяет сущностную составляющую: надежды Тётки на то, что ее дело жизни, творчество не пропадут даром, осуществились. Она заняла достойное место в отечественной литературе, культуре, общественно-философской и общественно-политической мысли, просветительной и педагогической традиции, руководстве чтением.

3

Библиографо-искусствоведческая фиксация пробуждения национальной профессиональной музыки и театра.

Немалое значение для становления национальной белорусской культуры, писал Е. И. Хлебцевич, имеют и иные виды искусства. Он отозвался о «*Сюите белорусской*» Л. М. Роговско-

го в «Очерке белорусской народной мысли» [8, с. 18–19], о музыке С. Монюшко, друга В. Дунина-Марцинкевича, к комедии последнего «Селянка» – в трактате «Возрождение белорусской народнической литературы» [9, с. 23], о национальном театральном деятеле А. Л. Бурбисе – в статье «*Памяти А. Л. Бурбиса*» [18]. Основателя первого профессионального национального белорусского театра **И. Т. Буйницкого** и его коллектив Е. И. Хлебцевич запечатлел в нашенивской публикации «*Белорусы ў Пецяярбурзе*» [12]. 27 декабря 1912 г. в Санкт-Петербурге состоялся музыкально-танцевальный вечер народов, населявших Российскую империю. Белорусы вызвали всплеск зрительских эмоций и симпатий, когда на сцену «вышел господин Буйницкий со своими танцорами и крестьянами-белорусами дударем, цимбалистом и скрипачом, – по-простому поворачиваясь, так это сразу приняли все с восторгом, – все, кто там был, ударили в ладошки.

А когда господин Буйницкий с дочерью пошел “Лявониху”, а за ним череда хлопцев с девчатами, как начали притупывать, подсакивать, – так вся публика – тысяч восем народу, как ударила в ладошки, как закричала “браво, браво, белорусы” ...Хлопцы еще не закончили лявониху, а им всё кричат, что очень хорошо, очень мило и просто, и красиво... Наиболее публика била браво белорусам за их народную, естественную простоту. Господину Буйницкому поднесли лавровый венок с красной ленточкой и ценный подарок в коробочке.

Никогда и нигде не видел, чтобы так что понравилось господам петербургским, как белорусские танцы: мельник, лявониха, юрка, воробей. Лучше нравились, чем все танцы других народов» [12, с. 4].

4

О художественном слове – вдохновителе национального движения.

Е. И. Хлебцевич не был сторонним наблюдателем отечественного общественно-политического и партийного движения. Он участник II съезда Белорусской социалистической гро-

мады (1906), один из организаторов в 1912 г. Белорусского научно-литературного кружка студентов С.-Петербургского университета, краеведческого товарищества по изучению Гродненской губернии при С.-Петербургском университете. Е. И. Хлебцевич много писал о первой национальной партии – Белорусской социалистической громаде (БСГ) [15; 16; 18; 20; 22; 23]. В 1904–1906 гг. она называлась Белорусской революционной громадой (БРГ) [22, с. 147], в 1906 г. на II съезде переименована в БСГ [23, с. 144]. Партия распространяла стихи Ф. Богушевича в качестве агитационного материала вместе с прочими прокламациями, «призывавшими к уничтожению власти царского правительства, помещиков и капиталистов» [22, с. 147].

Творческое наследие Ф. Богушевича, отмечал Е. И. Хлебцевич, повлияло на дальнейшее развитие литературного процесса и зарождение национально-партийного движения: «Фр. Богушевич имел значительное влияние на других писателей, о чем свидетельствует, например, признание Тётки, что один сборник своих стихотворений она назвала “Скрыпка беларуская” под влиянием предисловия Ф. Богушевича к своему сборнику “Смык беларускі”, в котором он говорит, что будет считать свою цель достигнутой, если его сборник кого-нибудь побудит создать “скрипочку”. <...>

И действительно “Смык” Богушевича и “Скрыпка” Тётки сыграли свою революционную роль в деле революционирования белорусов и национального их самоопределения» [22, с. 150].

Е. И. Хлебцевич называет наиболее активных членов БСГ Тётку [15; 16; 23], А. Л. Бурбиса [18], отмечает: особенно зарекомендовала себя Тётка. Она мастерски с точки зрения риторики, дикции, эмоционально, образно, артистично и выразительно выступала на митингах. Ее харизма, открытое, публичное чтение своих стихотворений, жестикуляция производили впечатление на рабочих и крестьян. Тётка на близком и понятном трудящимся массам языке призывала к свободе, равенству, социальному и национальному раскрепощению. «Влияние агитации и пропаганды на белорусском языке соответствовало психологическому складу белорусов» [23, с. 140].

«Тётка принимала участие во всех нелегальных митингах, рабочих сходках и ученических кружках, – писал Е. И. Хлебцевич, который учился в Вильне в духовной православной семинарии в 1900–1906 гг., присоединялся к национально-освободительному движению и был знаком с поэтессой-революционеркой, – а когда пришло время открытых митингов с октября по декабрь 1905 г., так Тётка выступала в Вильне и Ново-Велейске, всегда следом за известным товарищем Степаном Вигилевым, имевшим необычайно большое влияние на рабочих и учащихся г. Вильни» [23, с. 137]. Б. Д. Вигилев (партийная кличка «товарищ Степан») – видный лидер виленского филиала РСДРП, которого впоследствии знал и поддерживал В. И. Ленин. По своей идейно-политической платформе, направленной на классовую борьбу и завоевание социальной справедливости, БСГ была близка партии большевиков, но интернационализм в деятельности БСГ дополнялся идеологией национального белорусского патриотизма.

Тётка проявила себя конспиратором. Она участвовала в организации и проведении II (нелегального) съезда БСГ в Минске в 1906 г. На подготовительном этапе в коммуникации с товарищами по партии прибегала к эзоповому языку. На воспроизведении Е. И. Хлебцевичем иносказательной части общения с Тёткой [23, с. 142] сосредоточил внимание историк и архивист В. В. Скалабан: «В январе 1906 г. семинарист Литовской духовной семинарии Евгений Хлебцевич находился на рождественских каникулах у родителей. И вдруг телеграмма: “Халимон (подпольная кличка и один из авторских псевдонимов Е. И. Хлебцевича. – М. П.), приезжай в Минск на свадьбу. Тётка”. Хотя и не понял, что это за свадьбу устраивает Тётка, но в Минск поехал. Знакомые провели на окраину города, где недалеко от Кальварии жил библиотекарь Пушкинской библиотеки Виктор Зелезей. Там уже были Тётка, поэт Карусь Каганец, будущий издатель-редактор “Нашай Нівы” Александр Власов, один из создателей белорусского профессионального театра Алесь Бурбис...» [36, с. 140; 37, с. 13]. «Тётка, безусловно, в центре, довольная, радостная, размахивает руками, – вспоминал Е. И. Хлебцевич. – Заседания съезда продолжались целыми днями до поздней ночи. Благодаря тому, что в начале января 1906 г. прошли аресты и обыски, мы (участники II съез-

да БСГ. – М. П.) размещались по городу и ночевали у граждан, которые совсем не занимались политикой. Съезд длился 3–4 дня. Все вопросы старой программы были пересмотрены. Докладчики по каждому вопросу программы освещали вопросы на базе всей, какую имели, литературы, среди которой значительную роль играли труды Маслова и Ленина по аграрному сектору». Относительно белорусской государственности «была поставлена задача добиваться территориальной автономии Беларуси вместе с правами культурно-национальной автономии для национальных меньшинств, проживающих на этой автономной территории» [23, с. 143]. По существу, «была принята резолюция (впервые) о независимой Белорусской республике» [23, с. 144].

II съезд БСГ прошел без преград и препятствий, решив вопросы стратегии и тактики, избрав ЦК партии [23, с. 144].

В январе 1906 г. Тётка, скрываясь от полиции, по чужому паспорту устроилась на некоторое время сестрой милосердия в Ново-Велейске и готовилась бежать за границу. Но революционную работу не прекращала ни при каких условиях. «Больница, место работы Тётки, являлась базой, где налаживались нелегальные заседания членов БСГ, и отсюда мы были должны отправляться с агитационными целями в соседние деревни, прилегающие к Ново-Велейской больнице» [23, с. 144].

Всенародной общественно-политической, литературной и культурно-просветительной трибуной, общенациональным средством массовой информации и борьбы за правое дело были печатные органы Белорусской социалистической громады – газета «Наша Доля», но в наибольшей степени «Наша Ніва», в которой «видное участие принимала Тётка, помещая стихотворения, будящие революционную энергию трудовых масс» [23, с. 140].

5

Один из основоположников купаловедения.

Наиболее глубоким впечатлением и для Е. И. Хлебцевича было появление в национальном литературном сообществе

поэзии Янки Купалы (Ивана Доминиковича Луцевича). Уже на первый сборник поэта «Жалейка» (1908) он откликнулся в петербургской газете «Новая Русь» рецензией «*“Жалейка” Янки Купалы*» [10]. В последующем создал не единичные, а целый ряд персональных статей-библиографий по биографии и наследию белорусского песняра. Стал одним из основоположников купаловедения как самостоятельного раздела книговедения и литературоведения. Е. И. Хлебцевич оказывал помощь письменными советами, рекомендательной купаловедческой библиографией первому директору Литературного музея Янки Купалы Владиславе Францевне Луцевич, вдове поэта [25, с. 146; 26, с. 195; 36, с. 141].

Е. И. Хлебцевич был лично знаком с мэтром белорусского словесного искусства, с которым поддерживал дружеские отношения с 1909 г., сложившиеся в так называемый петербургский период жизни: он учился в Петербургском университете, а Янка Купала на общеобразовательных курсах А. С. Черняева.

С первых обзорных литературоведческо-библиографических работ реферативного характера по национальной литературе («Очерк белорусской народной мысли»; «Возрождение белорусской народнической литературы», переиздана в 1917 г. под названием «Народническая поэзия белорусов») Е. И. Хлебцевич как критик и библиограф-аналитик давал высокую оценку творческим поискам Янки Купалы, Якуба Коласа, Максима Богдановича. Впоследствии он трудился над книгой о поэзии Янки Купалы и первоначальном этапе белорусской художественной литературы, однако не успел реализовать задуманное. Удалось в черновом виде систематизировать, структурировать свои многочисленные рукописные и печатные статьи и воспоминания преимущественно второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. о Янке Купале и его творчестве, упорядочить их [29, с. 184–185, 192]. Они хранятся в Государственном литературном музее Янки Купалы («*Матэрыялы да манаграфіі Я. Хлябцэвіча пра Янку Купалу*») [6]. Монография предполагала литературоведческие, книговедческие, психолого-педагогические аспекты исследования творчества Янки Купалы, рождения купаловского лирического героя – ровесника революции 1905–1907 гг., бунтаря-одиночки в стихотворении «Му-

жык» до «агромністай такой грамады» в «А хто там ідзе?» [25, с. 153–154; 29, с. 185–186], а также масштабов личности поэта, основателя новой белорусской литературы, его гражданственности, который видел свое индивидуальное счастье в общенародном (пример – стихотворение «Я не паэта...») [25, с. 153].

Е. И. Хлебцевич обращает внимание на отношения Янки Купалы с руководством редакции виленской газеты «Наша Ніва» как проявление креда поэта: быть выше собственных амбиций. Нередко несправедливые подходы к выпуску его произведений в данном издании (на второстепенных газетных полосах, создание для его рукописей искусственно организованной очереди для печати) могли, полагал Е. И. Хлебцевич, послужить основной причиной его отъезда из Вильни в Петербург в 1909 г. [6, л. 117]. Несмотря на подобные разногласия и недопонимания, Янка Купала находился выше личных амбиций, понимал и ценил нашенивскую культурно-просветительную миссию и в 1911 г. в Петербурге написал стихотворение-посвящение «Нашай Ніве» в связи с ее пятилетием [25, с. 165; 29, с. 189]. Судьба распорядилась так, что в 1914–1915 гг. он возглавлял «Нашу Ніву», где не только публиковался с момента ее основания в 1906 г., но и по совместительству подрабатывал в ней в 1908–1909 гг. корректором, будучи штатным библиотекарем Виленской частной библиотеки-читальни Б. Л. Даниловича «Знание», которую в качестве читателя в виленский период учебы посещал Е. И. Хлебцевич.

Петербург, его архитектура, скульптура, река Нева, Васильевский остров впечатляли поэта-романтика Янку Купалу. Однако они не воплотились в его творчестве, но пробуждали в душе, памяти, воображении милые сердцу поэта образы дорогой Беларуси [6, л. 123]. Янка Купала тосковал по родине, грустил, волновался за судьбу отеческого края, в мыслях и воображении переносился в родные места, о чем, заметил Е. И. Хлебцевич, свидетельствовала, например, его элегия «Я ад вас далёка...». Стихотворение написано в обстоятельствах, когда внешне впечатляющий мегаполис Санкт-Петербург был для Янки Купалы востребованным и внутренне как центр науки, культуры, духовности, педагогической мысли. Здесь он обогащался интеллектуально, рос морально-психологически, духовно. С увлеченностью, вызванной культом зна-

ний и стремлением учиться, расширять кругозор, посещал занятия на общеобразовательных курсах А. С. Черняева при Императорском Санкт-Петербургском университете [29, с. 186–187], преподавание на которых было под стать университетскому основательным, прогрессивным, строилось по передовым педагогическим технологиям и осуществлялось представителями высшей школы.

Опираясь на монографические материалы Е. И. Хлебцевича, бывший заместитель директора по научной работе Государственного литературного музея Янки Купалы Е. В. Бурбовская отмечает: «Янку Купалу в Петербурге часто приглашали на лекции знаменитых профессоров Петербургского университета» [25, с. 160]. Это было в дополнение к обучению на курсах А. С. Черняева. Поэт углубленно интересовался историей, философией, психологией, этнографией, педагогикой, литературоведением, не ограничивался библиотекой черняевских курсов, пользовался фондами библиотеки университета, личным книжным собранием профессора Б. И. Эпимаха-Шипилы, на квартире у которого проживал. Много читал, активно занимался самоподготовкой и самостоятельной интеллектуально-творческой познавательной деятельностью.

Как вспоминал Е. И. Хлебцевич, для всех петербургских студентов-белорусов участие в работе Белорусского научно-литературного кружка Петербургского университета имело большое значение. Вовлечен в деятельность кружка был и Янка Купала. Но занятость не уменьшала ностальгии по родному краю. Находясь далеко от Беларуси, он видел «чужое небо» над головой, не переставал думать о своем возвращении на родину, об улучшении положения трудящихся белорусов, облегчении их участи. Переживал, когда реакционные силы пытались сдерживать развитие белорусского национального движения [29, с. 187–188]. Янку Купалу возмущали публикации черносотенцев в виленской газете «Белорусская жизнь» против белорусского языка и новой белорусской литературы, обвинения в сепаратизме в адрес деятелей национального направления, навешивание им ярлыков. «В ответ на такие происки черносотенцев Янка Купала в Петербурге написал стихотворение “Гэй, капайце, далакопы...”, в котором сравнил редактора и сотрудников вышеуказанной газеты с могильщиками, готовыми

похоронить весь белорусский край с его народом» [25, с. 151], – суммирует и обобщает сведения из «Матэрыялаў да манаграфіі Я. Хлябцэвіча пра Янку Купалу» Е. В. Бурбовская.

В воспоминаниях Е. И. Хлебцевич сообщает об обеспокоенности поэта бедственным положением трудящегося белоруса как на родной земле, так и в скитаниях по миру с надеждой прокормить семью. Янка Купала говорил на заседаниях научно-литературного кружка о статьях в «Нашай Ніве», описывавших имевшую место эксплуатацию белорусов в Америке, куда ехали обездоленные, нуждавшиеся люди в поисках заработка [25, с. 157]. «Антиамериканизм» Янки Купалы, как и Е. И. Хлебцевича, сводился к постулату, что счастье надо искать не за океаном, а в первую очередь у себя дома, за них, родной дом и счастье в нем, бороться, страдать, личную судьбу строить вместе с общенациональной.

В 1910 г. Янка Купала при поддержке профессора Б. И. Эпимаха-Шипилы и этнографа А. А. Гриневича получил возможность побывать на экскурсии в Финляндии (г. Выборг), посмотреть достопримечательности, водопад Иматра. Особым впечатлением от увиденного явилась картина благополучной страны и ее граждан: суровость климата этого небольшого государства и его духовная и материальная успешность. Это вызывало у поэта размышления в отношении удела соотечественников, в его сознании и творчестве возникли вопросы социального, экономического, гражданско-правового характера: «Почему природные условия в Финляндии хуже, чем в Беларуси, а люди живут там лучше?», «Почему плачет песня наша?», «Имеем ли мы право отречься от родного языка?» [29, с. 188]. «Ответы на эти вопросы поэт искал долго, но это помогло Купале стать публицистом, исследователем», – резюмирует Е. В. Бурбовская [25, с. 162]. Указанные проблемы беспокоили и Е. И. Хлебцевича. Безусловно, выход был в просвещении народа, демократизации общества, национальном возрождении, внедрении прогрессивных технологий ведения сельского хозяйства и зарождавшегося промышленного производства, справедливом распределении благ.

Основной задачей Белорусского научно-литературного кружка студентов Петербургского университета являлось распространение среди необразованного, преимущественно деревен-

ского населения края, названного в империи Северо-Западным, просвещения и открытие бесплатных народных библиотек для беднейшего слоя общества – крестьян. По задумке главного идеолога народных бесплатных библиотек Е. И. Хлебцевича, в таких книгохранилищах должны были представляться лучшие наиболее демократические произведения зарубежной, русской и отечественной художественной литературы, религиозно-поучительные трактаты, гуманитарные и естественнонаучные сочинения популярного характера, бытовые практические рекомендации. Просветительную, в частности библиотечно-просветительную, библиотечно-педагогическую, миссию Белорусского кружка студентов положительно воспринял Янка Купала и в 1912 г. написал пропагандистско-патриотическое стихотворение «Прарок» и передал его Е. И. Хлебцевичу, сообщив, что посвятил его научно-литературному кружку студентов [6, л. 144; 29, с. 189]. Адресовано произведение лидерам, тем, кто из рабства зовет людей на волю. Был напечатан «Прарок» в составляемом и редактируемом Е. И. Хлебцевичем университетском санкт-петербургском сборнике [8, с. 22–23]. В материалах для монографии о жизни, деятельности и наследии Янки Купалы Е. И. Хлебцевич заметил, что первоначальный, подаренный поэтом студентам-единомышленникам вариант стихотворения должен включаться в издание его собрания сочинений прежде всего [6, л. 144].

Петербургский этап творчества Янки Купалы, проходивший на глазах у Е. И. Хлебцевича, был плодотворным. В Петербурге написаны и изданы поэтические сборники «Гусляр» (1910), «Шляхам жыцця» (1913); отдельными изданиями выпущены комедия «Паўлінка» (1913), драматическая поэма «Сон на кургане» (1912; создана еще в 1910 г. с посвящением памяти преждевременно почивших отца и брата Купалы). «Сон на кургане» стал продолжением поэмы-драмы «Адвечная песня» (1908), изданной отдельной книжкой в Петербурге. Ряд произведений Янки Купалы был отпечатан в петербургском белорусском издательстве «Загляне сонца і ў наша аконца». Апробацию значительной части своих произведений Янка Купала, писал Е. И. Хлебцевич, осуществлял на собраниях Белорусского кружка студентов Петербургского университета. Большинство собраний проходило на квартире профессора

Б. И. Эпимаха-Шипилы; на таких заседаниях поэт читал свои рукописи, слушал замечания и советы [29, с. 190], имевшие для него творческо-редакторскую ценность и нередко вызывавшие дискуссию, его авторское несогласие. В свою очередь, творчество Янки Купалы оказывало просветительное, познавательное, воспитательное, эстетическое воздействие на участников интеллектуально-литературных собраний; благодаря поэтическому дару и гражданским мировоззренческим идеалам стихи быстро запоминались и внедрялись в массы.

В материалах к монографии Е. И. Хлебцевича имеются записи об истоках и смысле главного псевдонима поэта Ивана Доминиковича Луцевича – Янка Купала, купальской тематике в его творчестве, фольклорном, этнографическом и педагогическом контекстах [6, л. 124–125], затронуты и второстепенные псевдонимы [6, л. 178; 25, с. 165].

Литература связана с другими видами искусства через эстетическое, социально- и психолого-педагогическое предназначение. Белорусский научно-литературный кружок студентов Петербургского университета организовал свой хор, драматическую труппу, популяризовавшие произведения Янки Купалы, иных белорусских, русских и иностранных мастеров художественного слова. Е. И. Хлебцевич в рассматриваемых монографических материалах писал, «какой радостью сияли его [Янки Купалы] лучистые глаза, когда впервые студенческий хор запел его гимн “А хто там ідзе?..”» [25, с. 161].

Е. И. Хлебцевич полагал, что имена лучших белорусских писателей следует включать в капитальную справочно-энциклопедическую литературу мирового уровня, наделенную базовыми научной и педагогической функциями. В материалах к монографии он упоминает о том, что, занимаясь в Пушкинском семинарии Петербургского университета под руководством профессора-пушкиниста С. А. Венгерова, он показал издания Янки Купалы и Якуба Коласа руководителю семинария и предложил статьи о них поместить в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Литературный отдел данного издания редактировал С. А. Венгерова [6, л. 152; 25, с. 162].

В материалах к монографии Е. И. Хлебцевич привел информацию о библиотечной деятельности Янки Купалы, которую характеризовал как значимую в деле просвещения трудящегося

народа и формирования его мировоззрения. Отозвался о работе поэта в должности библиотекаря на абонементе в Виленской библиотеке-читальне «Знание» Б. Л. Даниловича, его содействии в петербургский период распространению в Беларуси бесплатных народных библиотек имени Ф. Ф. Павленкова [6, л. 202–229; 25, с. 167–169; 28; 29, с. 191].

Включен в материалы к монографии и ряд биографических сведений: об учебе Янки Купалы по программе историко-философского цикла Московского народного университета имени А. Л. Шанявского; о мобилизации его в период Первой мировой войны; о том, что поэт встретил Октябрьскую революцию 1917 г. в Смоленске; о женитьбе во время учебы в университете. Женой Янки Купалы стала Владислава Францевна Станкевич, которая, стремясь так же, как и он, к непрерывному образованию, повышению уровня знаний, слушала лекции в университете А. Л. Шанявского и была знакома поэту с ранней национально-возрожденческой поры по встречам на литературных вечерах в Вильни [25, с. 170–173]. Она была музой, верной спутницей поэта, а также педагогом, литературоведом, основательницей дошкольной лингводидактики в Беларуси.

В сведениях о творчестве Янки Купалы советского времени («Над ракой Арэсай», «Беларусі ардэнаноснай», «Безназоўнае» и др.) Е. И. Хлебцевич выделяет тему социалистического строительства, прославления тогдашней действительности, идейных и идеологических ценностей [25, с. 154].

Образцом военно-патриотической лирики стало стихотворение Янки Купалы «Беларускім партызанам», названное Е. И. Хлебцевичем «гимном народных мстителей, которое звучало по радио, распространялось в виде листовок, печаталось в газетах на русском и белорусском языках» [25, с. 154].

«Матэрыялы да манаграфіі Я. Хлябцэвіча пра Янку Купалу» – это цикл статей купаловеда преимущественно в рукописях, к которым относится и машинопись с авторскими чернильными правками; некоторые работы сопровождаются опубликованными аналогами. Все это совпадает с источниками об основателе новой белорусской литературы Янке Купале личного архива Е. И. Хлебцевича в Национальной библиотеке Беларуси. В отличие от музейных монографических купаловедческих материалов библиотечные архивные документы данного направ-

ления разрозненны, не упорядочены, не собраны под одной обложкой, не сшиты, не приведены в общую последовательную подборку, не сгруппированы по тематическим разделам. Зато в архиве Е. И. Хлебцевича хранятся в дополнение и его статьи о Янке Купале, аналоги которых в музейном варианте отсутствуют.

Концептуальное значение имеют документы личного архива Е. И. Хлебцевича «*Тарас Шевченко и Янка Купала*» [1], «*Янка Купала и М. Конопницкая*» [3], «*Янка Купала и Н. А. Некрасов*» [5], отсутствующие в музейной монографической подборке, но отражающие истоки творчества белорусского песняра: толчок к правдолюбию и правдоискательству дали Янке Купале слышанные в детстве белорусские народные сказки, потом самостоятельно прочитанные книги, в которых говорилось о тяжелой доле бедного люда, таких авторов, как русского поэта Н. А. Некрасова, польской писательницы М. Конопницкой, украинского поэта Т. Шевченко [29, с. 192].

О купаловедении Е. И. Хлебцевича писали Г. М. Семашкевич [34], В. В. Скалабан [36; 37], Е. В. Бурбовская [25], автор данной работы [28; 29]. Первым тему хлебцевичского купаловедения поднял литературовед Г. М. Семашкевич [34], затем ее подхватил историк и архивист В. В. Скалабан [36; 37]. Е. В. Бурбовская подготовила и представила аналитику «*Матэрыялаў да манаграфіі Я. Хлябцэвіча пра Янку Купалу*» [25]. Автор данной публикации предпринял попытку библиографически и литературоведчески систематизировать и обобщить купаловедение Е. И. Хлебцевича [29]. Также нами рассмотрено участие Янки Купалы в библиотечной работе преимущественно в интерпретации Е. И. Хлебцевича [28], опираясь в первую очередь на рукописи его статей «*Янка Купала и библиотеки*» [2], «*Янка Купала, книги и библиотеки*» [4], в которых автор привел и свой вклад в отечественное библиотечное дело (создание библиотеки Белорусского кружка Петербургского университета, распространение в Беларуси павленковских бесплатных народных библиотек, появление на белорусской территории солдатских библиотек в царской армии во время Первой мировой войны, в белорусско-русские библиотечные и библиотековедческие взаимосвязи).

Е. И. Хлебцевич в работе «Янка Купала и библиотеки» обратил внимание и на близкое библиотековедению педагогическое дело. В период пребывания в Санкт-Петербурге у Янки Купалы, как и у Е. И. Хлебцевича, вызывали интерес съезды педагогов. Наиболее демократическим, по их воспоминаниям и оценкам, в частности в материалах к монографии Е. И. Хлебцевича, был I Всероссийский съезд по вопросам народного образования, состоявшийся с 22 декабря 1913 г. по 3 января 1914 г., на котором делегаты «высказывались за организацию библиотеки при каждой школе, так как основная задача детской библиотеки – расширять знания, даваемые школой; кроме того, ученическая библиотека должна играть роль клуба в школе» [2, л. 7].

* * *

Белорусоведческое наследие Е. И. Хлебцевича имеет педагогическое (как обучающее, так и воспитательное) значение. Его работы содержат сведения и рассуждения о зарождении новой белорусской литературы, дальнейшем развитии литературного процесса, иных видов искусства, становлении отечественной общественно-философской, общественно-политической и педагогической мысли, национальных книговедческих и библиотековедческих тенденциях. Могут быть использованы в целях воспитания патриотизма, укрепления белорусской толерантности, иных исконно народных традиционных ценностей. Белорусоведческие работы библиотековеда, книговеда и библиографа Е. И. Хлебцевича могут быть положены в основу проведения публичными, вузовскими и школьными библиотеками, самими педагогическими учреждениями массовых воспитательных и познавательных белорусоведческих обзорных и тематических мероприятий.

Вместе с Янкой Купалой, Якубом Коласом, другими писателями, учеными и общественными деятелями того поколения Е. И. Хлебцевич стоял у истоков создания нового белорусского литературного языка. На родном языке он пропагандировал национально-просветительные, национально-образовательные идеи, белорусскость как свойство мировоззрения и мышления, чувство национального достоинства.

Е. И. Хлебцевич информацию и знания об этногенезе белорусов, чертах национального характера, менталитете, о бело-

русских исторических и культурных традициях стремился популяризировать и на русском языке, языке межнационального общения, чтобы о белорусах узнали во всей Российской империи, позднее во всем Советском Союзе, а то и в целом мире. Таким образом, научно-педагогический дискурс белорусоведческих трудов Е. И. Хлебцевича обширный, имеет потенциал для исследовательской и практико-ориентированной перспектив отечественного книговедения, библиотековедения, библиотечного дела, национальной библиографии.

Список литературы

Белорусоведческие рукописи Е. И. Хлебцевича

1. *Хлебцевич, Е.* Тарас Шевченко и Янка Купала / Е. Хлебцевич // Науч.-исслед. отдел книговедения Нац. б-ки Беларуси. Архив Е. И. Хлебцевича. – [М.], [1952]. – 17 л.

2. *Хлебцевич, Е.* Янка Купала и библиотеки / Е. Хлебцевич // Науч.-исслед. отдел книговедения Нац. б-ки Беларуси. Архив Е. И. Хлебцевича. – [М.], [1952]. – 12 л.

3. *Хлебцевич, Е.* Янка Купала и М. Конопницкая / Е. Хлебцевич // Науч.-исслед. отдел книговедения Нац. б-ки Беларуси. Архив Е. И. Хлебцевича. – [СПб.], [1913]. – 4 л.

4. *Хлебцевич, Е.* Янка Купала, книги и библиотеки / Е. Хлебцевич // Науч.-исслед. отдел книговедения Нац. б-ки Беларуси. Архив Е. И. Хлебцевича. – [М.], [1952]. – 26 л.

5. *Хлебцевич, Е.* Янка Купала, книги и библиотеки. Янка Купала и Н. А. Некрасов / Е. Хлебцевич // Науч.-исслед. отдел книговедения Нац. б-ки Беларуси. Архив Е. И. Хлебцевича. – [М.], [1952]. – 10 л.

6. *Хлябцэвіч, Я. І.* Матэрыялы да манаграфіі Я. Хлябцэвіча пра Янку Купалу : [падборка артыкулаў, успамінаў і іншых матэрыялаў ; машынапіс з аўтарскімі праўкамі, рукапіс, друкаваны тэкст (Яўгені Хлябцэвіч. Янка Купала і бібліятэкі) ; асноўная частка тэксту на рускай мове, асобныя артыкулы і друкаваны тэкст на беларускай мове] / Я. І. Хлябцэвіч // Дзяржаўны літаратурны музей Янкі Купалы. – Без даты, запіс у кнізе паступленняў ад 25.09.1969. КП 1436. – [Б. м.], [б. д.]. – 264 л.

Белорусоведческие публикации, преимущественно автор которых, а также редактор- составитель или переводчик Е. И. Хлебцевич

7. Без подпісу [паводле меркавання вучоных, бясспрэчным аўтарам з'яўляецца Я. І. Хлябцэвіч]. Аб Павленкоуских бібліотеках / Я. І. Хлябцэвіч // Наша Доля. – 1906. – 15 сэнцябры. – № 2. – С. 3–4.

8. Белорусский научно-литературный кружок студентов С.-Петербургского университета : отт. из отчета о состоянии

и деятельности Имп. С.-Петербур. ун-та за 1912 г. / ред.-сост. Е. Хлебцевич. – СПб. : Тип. Б. М. Вольфа, 1913. – 31 с.

9. Белорусский научно-литературный кружок студентов С.-Петербургского университета : отг. из отчета о состоянии и деятельности Имп. С.-Петербур. ун-та за 1913 г. / ред.-сост. Е. Хлебцевич. – СПб. : Тип. Б. М. Вольфа, 1914. – 36 с.

10. *Ев[гень]ев* [псевдоним, настоящее: Хлебцевич Е. И.]. «Жалейка» Янки Купалы / Е. И. Хлебцевич // Новая Русь. – 1909. – 27 окт. (9 нояб.) – № 295. – С. 6. – (Новые книги).

11. *Радванскі, Т.* Праўда аб вайне Польшчы з Савецкай Расі-й: за што ваюе Чырвоная Армія? За што ваюе Польшча? / Т. Радванскі ; на бел. мов. перакл. Халімон з-пад Белавежскай пушчы [псеўданім, сапраўднае: Я. Хлябцэвіч]. – М. : Лит.-изд. Отдел Полит. управления Рев. Воен. Совета Респ., 1920. – 14, [1] с.

12. *Халімон с-пад пушчы* [псеўданім, сапраўднае: Хлябцэ-віч, Я. І.]. Беларусы ў Пецярбурзе (ад уласнага карэспандэнта) / Я. І. Хлябцэвіч // Наша Ніва. – 1913. – 4 студз. – № 1. – С. 4.

13. *Халімон с-пад пушчы* [псеўданім, сапраўднае: Хлябцэ-віч, Я. І.]. Вёска Кленікі Бельскага павета Гродзенскай губерні. Аб адкрыцці бясплатнай народнай бібліятэкі-чытальні імя Паў-ленкава і аб тым, як валасны сход адмовіў адпусціць 20 рублёў на абсталяванне адкрытай бібліятэкі / Я. І. Хлябцэвіч // Наша Ніва. – 1907. – 12 акцябра. – № 31. – С. 7.

14. *Халімон с-пад пушчы* [псеўданім, сапраўднае: Хлябцэ-віч, Я. І.]. У Кленіках Бельскага павета Гродзенскай губерні. Вясковы сход аб бібліятэцы-чытальні імя Паўленкава / Я. І. Хлябцэвіч // Наша Ніва. – 1908. – 1 лют. – № 3. – С. 6.

15. *Хлебцевич, Е.* Алоиза Пашкевич (Цётка) – вдохновитель-ница белорусского революционного движения / Е. Хлебцевич // Жизнь национальностей. – 1919. – 19 нояб. – № 43 (51). – С. 2.

16. *Хлебцевич, Е.* Белорусская Цётка (А. Пашкевич) / Е. Хлебцевич // Каторга и ссылка. – 1923. – № 5. – С. 244–249.

17. *Хлебцевич, Е.* Национальный вопрос и работа библиотек в Красной Армии (учет опыта организационно-методической работы) / Е. Хлебцевич // Коммунистическое просвещение. – 1925. – № 6 (24). – С. 136–140.

18. *Хлебцевич, Е.* Памяти А. Л. Бурбиса / Е. Хлебцевич // Каторга и ссылка. – 1923. – № 5. – С. 249–250.

19. *Хлебцевич, Е.* Развитие библиотечного дела в Белоруссии / Е. Хлебцевич // Труды Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, состоявшегося в С.-Петербурге с 1-го по 7-ое июня 1911 г. – СПб., 1912. – С. 430–431.

20. *Хлебцевич, Е.* Страничка из истории белорусского революционного движения : Францишек Богушевич и Белорусская социалистическая громада / Е. Хлебцевич // Жизнь национальностей. – 1919. – 12 окт. – № 39 (47). – С. 2.

21. *Хлябцэвіч, Я. М.* Горкі, ваенкоры і пачынаючыя чырвонаармейскія пісьменнікі / Я. Хлябцэвіч // Польша. – 1946. – № 6. – С. 146–153.

22. *Хлябцэвіч, Я.* Царскі суд над творами Ф. Багушэвіча / Я. Хлябцэвіч // Узвышша. – 1927. – № 3. – С. 147–150.

23. *Хлябцэвіч, Я.* Цётка / Я. Хлябцэвіч // Польша. – 1924. – № 3 (11). – С. 136–148.

24. *Хлябцэвіч, Я.* Ян Баршчэўскі – першы беларускі пісьменнік XIX веку і ягонае апісанне партызанскага руху беларускіх сялян / Я. Хлябцэвіч // Узвышша. – 1928. – № 4 (10). – С. 141–146.

Работы о белорусоведческом наследии Е. И. Хлебцевича

25. *Бурбоўская, А.* Нам засталася спадчына... : Асоба Янкі Купалы па ўспамінах Яўгена Хлябцэвіча / А. Бурбоўская // Польша. – 2009. – № 7 (957). – С. 146–173.

26. *Варвашэвіч, М. А.* Хлябцэвіч Яўген / М. А. Варвашэвіч, Т. М. Махнач, В. У. Скалабан // Беларускія пісьменнікі : біябібліягр. слоўн. : у 6 т. / пад рэд. А. В. Мальдзіса ; рэдкал.: І. Э. Багдановіч [і інш.]. – Мінск, 1995. – Т. 6. – С. 194–196.

27. *Леончиков, В. Е.* Е. И. Хлебцевич – видный советский библиотековед и библиограф / В. Е. Леончиков // Вопросы библиографоведения и библиотековедения : сб. науч. тр. / Мин. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького. – Минск, 1976. – С. 150–157.

28. *Пажарыцкі, М. Б.* Бібліятэчная дзейнасць Янкі Купалы (паводле прац Я. І. Хлябцэвіча, Л. І. Уладзімірава, Ф. В. Гінтаўта) / М. Б. Пажарыцкі // Бібл. весн. : навук. зб. / Нац. б-ка Беларусі ; рэдкал.: Р. С. Матульскі (старш.) [і інш.] ; склад.: Л. Г. Кірухіна, В. В. Бандарчук. – Мінск, 2017. – Вып. 9. – С. 92–102.

29. *Пажарыцкі, М. Б.* Купалазнаўства Я. І. Хлябцэвіча (да 140-годдзя з дня нараджэння Янкі Купалы) / М. Б. Пажарыцкі // Матэрыялы XVIII міжнар. кнігазнаўчых чытанняў, Мінск, 28–29 крас. 2022 г. / Нац. б-ка Беларусі ; рэдкал.: А. Ю. Кніжнікава (старш.) [і інш.] ; склад.: Т. У. Карнілава, Г. У. Кірэева. – Мінск, 2022. – С. 182–194.

30. *Пожарицкий, М. Б.* «Возрождение белорусской народнической литературы» Е. И. Хлебцевича как литературоведческо-библиографическое исследование / М. Б. Пожарицкий // Бібл. весн. : навук. зб. / Нац. б-ка Беларусі ; рэдкал.: Р. С. Матульскі (старш.) [і інш.] ; склад.: Л. Г. Кірухіна, В. В. Бандарчук. – Мінск, 2019. – Вып. 11. – С. 88–94.

31. *Пожарицкий, М. Б.* Е. И. Хлебцевич о педагогическом предназначении библиотечных кружков / М. Б. Пожарицкий // 500 гадоў беларускага кнігадрукавання : матэрыялы Міжнар. кангрэса, XIII міжнар. кнігазнаўчых чытанні, Мінск, 14–15 верас. 2017 г. : у 2 ч. / Нац. б-ка Беларусі ; рэдкал.: Р. С. Матульскі (старш.) [і інш.] ; склад. А. А. Суша. – Мінск, 2017. – Ч. 2. – С. 120–124.

32. *Покало, М. И.* История библиотечного дела в БССР / М. И. Покало. – Минск : Выш. шк., 1986. – 200 с.

33. *Рублеўская, Л.* «Деревня просит: Дайте книгу!» / Л. Рублеўская // СБ. Беларусь сегодня. – 2019. – 6 авг. – № 146 (25784). – С. 13.

34. *Семашкевіч, Р.* Сябар Купалы : пра Я. Хлябцэвіча / Р. Семашкевіч // Дзень паэзіі. – 1973. – Мінск : Маст. літ., 1973. – С. 173–176.

35. *Семашкевіч, Р. М.* Беларускі літаратурна-грамадскі рух у Пецярбурзе (канец XIX – пачатак XX ст.) / Р. М. Семашкевіч. – Мінск : Выд. БДУ, 1971. – 136 с.

36. *Скалабан, В.* Купала и Хлебцевич / В. Скалабан // Неман. – 1985. – № 3. – С. 140–144.

37. *Скалабан, В.* Паплечнік Цёткі і Янкі Купалы: да 100-годдзя з дня нараджэння Яўгена Хлябцэвіча / В. Скалабан // Літаратура і мастацтва. – 1984. – 24 жн. – № 34 (3236). – С. 13.

Оглавление

От автора	5
1. Научная и просветительная деятельность. Демократизация библиотечного дела, воспитание массового народного читателя. О возрождении белорусского языка и белорусской литературы, ее библиографирование	7
2. О персональных библиографиях (воспоминаниях и статьях), посвященных Яну Барщевскому, Франтишку Богушевичу, Алоизе Пашкевич (Тётке) и их творчеству	18
3. Библиографо-искусствоведческая фиксация пробуждения национальной профессиональной музыки и театра	27
4. О художественном слове – вдохновителе национального движения	28
5. Один из основоположников купаловедения	31
Список литературы	42

Научное издание

Пожарицкий Михаил Богданович

**НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
БЕЛОРУСОВЕДЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
Е. И. ХЛЕБЦЕВИЧА
(к 140-летию со дня рождения библиотековеда)**

Технический редактор А. В. Гицкая
Дизайн обложки М. М. Чудук

Подписано в печать 04.10.2024. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офисная. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 2,79. Уч.-изд. л. 1,89.
Тираж 150 экз. Заказ 879.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Белорусский государственный университет культуры и искусств».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/177 от 12.02.2014.
ЛП № 02330/456 от 23.01.2014.
Ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск.